

Глава 2. ПРОЦЕСС ПРОЩАНИЯ СО СТАЛИНСКИМ НАСЛЕДСТВОМ И ЕГО НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ

2.1. Внешнеполитические новации 1955 года глазами простых людей

2.1.1. Германский и австрийский вопросы

Министр иностранных дел В.М. Молотов занимал довольно жесткую позицию при определении основных направлений советской внешней политики. И хотя Маленков и Хрущев выдвигали довольно существенные новации концептуального порядка, с которыми он не соглашался (например, долгое время избегая публичного упоминания о «мирном сосуществовании»), все же его авторитет при определении основных направлений внешней политики, особенно по отношению к Западу, был преобладающим.

30 августа 1954 г. Национальное собрание Франции отклонило договор об учреждении «европейского оборонительного сообщества» с участием ФРГ. Это вызвало настоящую эйфорию в Москве. Казалось, рушатся планы империалистов и реваншистов в отношении ремилитаризации Западной Германии. Однако уже 23 октября представители государств – членов НАТО согласились принять в свои ряды ФРГ, а ее правительство считать «единственным представителем немецкого народа в международных делах». Надежды, что французский парламент еще раз откажется дать свое согласие на включение немцев в военную структуру Запада, оказались напрасными.

А между тем, как некоторое время спустя признавался Хрущев, если бы он сам и его коллеги по коллективному руководству «с меньшим авторитетом, чем Молотов, в международных проблемах, занялись этим вопросом, то мы, возможно, совершенно по-другому повернули бы дело, и возможно не было бы и Парижских соглашений, возможно по-другому бы сложилась обстановка». Но «пустили это на самотек Молотова»{403}. Эту реплику первого секретаря ЦК КПСС можно понимать как своего рода признание того, что в период между 30 августа и 23 октября 1954 г. у советской дипломатии был какой-то шанс не допустить включения ФРГ в НАТО, проявив такую инициативу, которая могла бы заинтересовать наших бывших союзников. Вполне возможно, что такая инициатива и обсуждалась в Президиуме ЦК, но министр иностранных дел был против, и все закончилось ничем. Возобладала твердая линия угроз и ультиматумов.

Выступая на сессии Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г., Молотов предупреждал, что ратификация Парижских соглашений станет главным препятствием на пути решения германской проблемы:

– После того, как Западная Германия будет ремилитаризована и превратится в милитаристское государство, станет невозможным объединение этой части Германии с восточной частью Германии – с миролюбивой Германской Демократической Республикой.

Это был своего рода «кнут». Но показал Молотов и «пряник»:

– Напротив, отказ от Парижских соглашений и достижение соответствующего соглашения между четырьмя державами – Францией, Англией, США и СССР – сделали бы возможным уже в этом году проведение общегерманских свободных выборов, имеющих целью восстановление единства Германии на миролюбивых и демократических началах. В этом заключается смысл сделанного 15 января заявления Советского правительства по германскому вопросу{404}.

Но, как говорится, дорого яичко к Христову дню. Если бы такое предложение было бы выдвинуто раньше, оно, может быть, имело бы больше шансов на успех. Теперь же поезд уже

ушел, и мало кто на Западе соглашался его снова останавливать. Очевидно, в Москве прекрасно понимали это, и там ничего не оставалось делать, как потрясать вдогонку кулаком.

– Ввиду складывающейся новой обстановки в Европе, – говорил Молотов, – Советский Союз, равно как и другие миролюбивые государства, против которых направлены Парижские соглашения, не будут сидеть сложа руки. Они должны будут предпринять соответствующие меры для дальнейшего укрепления своей безопасности и для обеспечения мира в Европе {405}.

Упомянув о начавшихся консультациях по подготовке к заключению договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и семью его восточноевропейскими союзниками, Молотов сказал:

– К тем мероприятиям, которые нам придется провести в случае образования западноевропейских военных группировок с участием ремилитаризированной Западной Германии, следует также отнести создание объединенного военного командования указанных восьми стран {406}.

И следуя этой линии, в мае 1955 г. подписывается Варшавский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Польшей, Чехословакией, Венгрией, Румынией, Болгарией и Албанией, а также с Восточной Германией. Он предусматривал механизм консультаций на случай вооруженного столкновения в Европе и создание объединенного командования вооруженными силами.

Но одновременно, несмотря на противодействие того же Молотова, советское руководство согласилось вывести свои войска из Австрии в обмен на ее постоянный нейтралитет и обязательство никогда не объединяться с Германией.

Австрийский вопрос обсуждался на нескольких заседаниях Президиума ЦК в течение полугода.

– Зачем ослаблять наши позиции в Австрии и выводить войска? Держать их надо, – не уставал говорить Молотов {407}.

Возражения ему сводились к следующему:

– Австрия не считается побежденной страной. Десять лет там стоим. Каждый год празднуем с ними День освобождения. А теперь они вместо Дня освобождения проводят демонстрации протеста, требуя, чтобы мы освободили их от себя. А если завтра австрийцы камнями будут бросать по нашим войскам, что же мы, будем стрелять? К тому же, если мы держим свои войска в Австрии, то этим даем право и американцам держать войска там, на Дунае. А вот если мы уйдем оттуда, в военном отношении наша позиция даже усилится. Противника мы отбрасываем назад, через горы, в Италию, в Западную Германию. Это же элементарно. К тому же речь о выводе войск из Австрии еще при Сталине шла. Но потом решили пока воздержаться, после решения вопроса о Триесте это сделать {408}.

Молотов же продолжал стоять на своем. Его попросили представить другой проект. Он должен был это сделать еще до январского пленума ЦК. И вот как-то, уже перед сессией Верховного Совета, на которой предстояло оформить отставку Маленкова, Микоян во время прогулки с Молотовым говорит:

– Вячеслав, не лучше ли в твоей речи, поскольку она программная и происходит смена председателя Совета министров, сказать по австрийскому вопросу, внести по Австрии новое предложение, предусматривающее гарантию от ее нового присоединения к Германии?

Он сказал:

– Я подумую {409}.

Подумал и действительно сказал об этом в своей речи 8 февраля на сессии Верховного Совета СССР, намекнув на возможность заключения Государственного договора с Австрией еще до окончательного решения германского вопроса. И потом говорил другим:

– Хорошо, что Микоян подсказал мне в отношении отделения Австрии от Германии {410}.

Что касается Хрущева, то он, просмотрев проект выступления министра иностранных дел в Верховном Совете, целиком ее одобрил, что позже признавал своей ошибкой: «Мы еще не окрепли и очень много преклонялись, что, вот, более опытный по этим делам Вячеслав... Если бы мы сейчас смотрели эту речь, мы бы ее искромсали. А тогда она пошла, хотя и не была хорошей» {411}.

Дело в том, что коллективное руководство решило продемонстрировать на примере

решения австрийского вопроса, насколько оно искренне стремится к уменьшению международной напряженности. И поэтому оно отрицательно прореагировало на то, что Молотов, внося свои предложения по поводу проекта государственного договора с Австрией, потребовал, чтобы, уходя оттуда, СССР оставил за собой право ввода туда войск, сохранив там какой-то символический контингент. Возражения ему заключались в следующем: во-первых, это непорядок; во-вторых, создается угроза не иметь хороших отношений с австрийцами; в-третьих, опасно и для нас, так как приведет к резким столкновениям с американцами. В результате эти предложения были единодушно отвергнуты^{412}. Правда, только после большого спора на заседании Президиума ЦК. Выступали по два раза, и все осуждали сопротивление Молотова тому, чтобы быстрее решить австрийский вопрос^{413}.

После этого в Москву пригласили австрийского канцлера Ю. Рааба. Встречать его и вести с ним переговоры поручили Молотову и Микояну. Советская сторона выразила принципиальную готовность прийти к соглашению. Договорились, что, как только иностранные оккупационные силы покинут Австрию, ее правительство предложит парламенту закон о постоянном нейтралитете, в соответствии с которым эта страна не будет в будущем вступать ни в какие военные союзы и не станет допускать создания на своей территории опорных военных пунктов иностранных государств.

– К этому шагу нас никто не принуждает, – подчеркивал Рааб, – не было постороннего влияния и нажима со стороны, это родилось внутри австрийского народа.

17 апреля австрийская делегация отбыла на родину. Перед этим на большом обеде в Екатерининском зале Кремля было произнесено более 30 тостов за предстоящее подписание Государственного договора, за будущий нейтралитет Австрии, за мир и обоюдную дружбу. Обе стороны были довольны^{414}.

Был очень доволен и Молотов. Он потом стал даже говорить, что «никогда не был против»^{415}. 15 мая 1955 г. он от имени СССР подписал в Вене государственный договор с Австрией.

13 и 25 мая 1955 г. Президиум ЦК обсуждал вопрос о нормализации отношений с Западной Германией. Было решено подготовить и направить ноту правительству ФРГ с предложением установить прямые дипломатические, торговые и культурные отношения^{416}. Сделано это было опять же по инициативе Хрущева. Не только по предложению, но и по настоянию, потребовавшемуся для преодоления возражений Молотова. Вообще-то он был не против, соглашался с необходимостью установить отношения с ФРГ. Но был против посылки открытого послания. Когда его заместители А.А. Громыко и В.С. Семенов подготовили проект именно открытого послания, Молотов сказал им:

– Нет, внося такой проект, мы будем протягивать руку Аденауэру и упрашивать его.

Перечеркнул текст и внес свое предложение. Президиум ЦК изменил это все и подтвердил свое прежнее решение. «Речь шла о том, – говорил два года спустя Громыко, – чтобы, сделав прямое предложение о нормализации, поставить в трудное положение Аденауэра и не тянуть дело по-прежнему»^{417}.